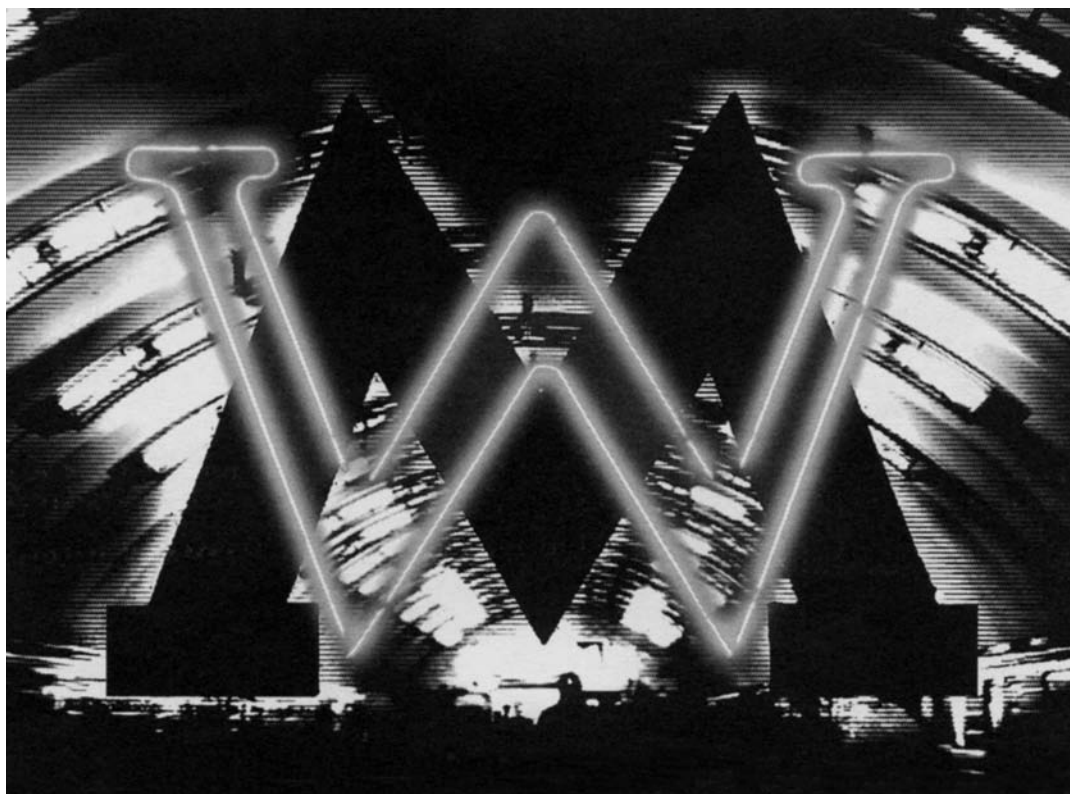

Вадим ЩЕРБАКОВ

ФАЛЬШИВЫЕ ЧЕРВОНЦЫ

О том, что Булгаков много претерпел во МХАТе, и о долгах, которые театру надлежит вернуть своему автору, любит сообщать прессе нынешнее руководство МХТ. В структуру посмертных выплат «натурой», видимо, вписывается и постановка «Мастера и Маргариты». Кажется, однако, что качество возвращенного делает из Булгакова буфетчика Андрея Фокича Сокова, чье заведение «наказали» ловкие молодые люди из числа зрителей сеанса Воланда...

Поставлена инсценировка «закатного романа» с размахом. Десятки актеров и студентов «обживают» все видимое пространство театра. (Традиционный для прежней методологии МХТ термин приходится, правда, брать в кавычки, поскольку жизни как раз в этой грандиозной суете немного.) Пять мониторов и проекция на задник; видеокамеры и отрезанные головы, способные шевелить губами и вращать

глазами; самозажигающиеся свечи и рукописи; стрельба из пальца с искрами и дымом; съемки Лиходеева в натуральной Ялте; хрустальная чаша, сама заполняющаяся кровью/вином. Наверняка упустил что-нибудь в этом списке мелких и крупных высокотехнологичных чудес, которые создают у публики приятное ощущение – нам сделали дорого, не поскупились, есть за что платить немалую стоимость билета!

Огонь, вода, медные трубы из динамиков и, наконец, метро! Бетонные стены и потолок, рельсы, вагон, движущийся хоть вдоль, хоть поперек, чередом легко узнаваемых дверей, с грохотом выкатывающаяся из сценического кармана, чтобы перекрыть собой всю ширину площадки. А над этим «суровым» изобилием рубиново сияет – ну прям кремлевская звезда! – буква «М». Средства массовой информации сообщали, что режиссер спектакля много объяснял относительно буквы. По мнению Яноша Саса, она должна одновременно напоминать зрителю и о Метро, и о Мастере, и о Маргарите, а также и о названии театра, тоже начинающемся на эту литеру. Уж как только не веселилась столичная критика, обыгрывая столь благодарный материал! Больше всего мне понравилась шутка М. Седых, разъяснившей иностранцу (г-н Сас приехал к нам из Венгрии), что в русском языке есть еще много слов на букву «М».

Итак, все действие происходит в подземке. Режиссер что-то говорил о «нулевом уровне» существования, лишенном привнесенных повседневностью aberrаций. Затем и метро устроено – чтобы снять с персонажей шелуху будней. Ладно, забудем об укорененности булгаковских героев в реалиях современной им советской действительности. Текст романа ныне легко доступен, желающие могут восполнить. Но вот признать образ метро удачным знаком отсутствия суеты не получается никак. Стоило бы, все-таки, г-ну Сасу потолкаться в московской подземке в час пик!

Мне показалось, что вся эта грандиозная тоннельная катавасия родилась из вполне скромного графического перевертыша – эффектно будет букву «М» превратить легким движением в литеру «W». Остальное лишь дорогостоящее оправдание полюбившегося трюка. Так мышь родила гору. А гора, в свою очередь, – желание посетовать о выброшенных черному пуделю под хвост деньгах.

Во время спектакля я понял, что происходящее на сцене очень напоминает мне впечатления почти сорокалетней давности, связанные с этими же подмостками. Закончив школу, я решил познавать театр изнутри и устроился

во МХАТ СССР им. Горького на должность монтировщика декораций. В первый же вечер моей службы шел спектакль «Сталеваары». Там тоже было много дыма, все ездило, опускалось и поднималось, гремела музыка и пылали мартеновские печи – в общем, сущий ад (и без всякого присутствия Сатаны, заметьте). Идя на трудовой рекорд, метался по сцене артист Расцветаев и энергично делал вид, что подкидывает что-то большой совковой лопатой в пылающие жерла плавильни. Спектакль в тот вечер надо сказать не задался: подвыпивший машинист норовил не вовремя выкатить на передний план пивной ларек, а его подчиненные слишком рано вытаскивали фурки с актрисами. Не повезло и расцветаевскому сталевару Лагутину – в самый патетический момент у него с лопаты сорвался совок, влетел в «горящую» печь и разбил стоявший в ней фонарь; печь погасла. Несколько мгновений артист растерянно созерцал опустевший черенок, а затем вновь принялся за свой трудовой подвиг, орудуя уже совершеннейшим обмылком рабочего инструмента.

Чудовищные накладки, впрочем, не помешали мне разглядеть присутствие в спектакле какой-то простой человеческой мысли – вроде того, что нельзя человеку отрываться от коллектива, хоть бы и ради благой цели. Было там и несколько мастерски сыгранных ролей.

Сценическая дисциплина с тех пор в Художественном театре выросла очевидно. В «Мастере и Маргарите», напомнившем мне давние «Сталеваары» – и по природе действия, и по монументальности изображения сложных инженерных сооружений, – все работало четко. Правда в сегодняшнем зрелище не наблюдалось того качества игры, на которое способна была тогдашняя труппа.

Похоже, что в те времена деятели театра честнее относились к своим обязательствам, да и к профессии тоже. Вряд ли режиссер и актеры спектакля «Сталеваары» всю жизнь мечтали живописать «человека труда». Так называемая «производственная драматургия» тогда входила в обязательную программу всех «надстроечных» институтов. Но откатать ее без

блеска, выступить хуже советских фигуристов МХАТ себе старался не позволить.

В то конкретное представление, с которым совпал старт моей театральной карьеры, произошло немало забавных происшествий. Однако воспоминание о них оказалось все-таки достаточно кратким. Надо было придумать, как еще убить три с половиной часа пересказа романа, стараниями театра, телевидения и кино выученного почти наизусть.

И в этот момент из марева спектакля соткалось явление таланта: ничем поначалу себя не зарекомендовавший Иван Бездомный помчался искать по Москве таинственного консультанта. Г-н Хориняк, исполнитель этой роли, бежал замечательно! На передней кромке сцены он бешено молотил воздух руками и ногами, обратив в зал неподвижное лицо, на котором застыла сложная гримаса. В ней был и ужас, и отсутствие привычки задумываться перед началом какой-либо деятельности, и решимость наказать злодеев... Многие еще можно было бы прочитать в этой здорово исполненной

удачной мизансцене, если бы режиссеру не понадобилось снабдить актера реквизитом для следующего эпизода. Из-за кулис явились два бегуна в трусах, догнали Бездомного и вооружили его иконкой со свечкой. Говоря словами Булгакова: «абрикосовая дала обильную желтую пену, и в воздухе запахло парикмахерской»... Примитивность художественного мышления вмиг убила поэзию театра.

Нельзя сказать, чтобы постановщик, художник и г. артисты не думали о зрителе. Наоборот – они всячески старались не дать ему заскучать. Однако на меня навалилась и не желала отпустить зеленая тоска. Будто присутствуешь на утреннике для старшего подросткового возраста! Это ощущение усугублялось еще и распределением ролей. Князя тьмы играл г-н Назаров – наш всероссийский Дед Мороз. И хотя тут он был облачен в модный костюм, но и цепь с огромной серебряной кистью руки на шее, и подвязанные на затылке

Сцена из спектакля.
Фото Е. Цветковой

волосы, и главное трость, размерами, кажется, не уступавшая ледяному посоху, производили впечатление, что находишься на высокотехнологичной Кремлевской елке. Правда, для детей того возраста, который уже не верит в Деда Мороза, а вот существование Воланда признать вполне готов.

Роль свою г-н Назаров докладывал обстоятельно, но как бы с ленцой. Темперамента не включал. Может быть таково было режиссерское требование, но мне представляется, что дело в другом. Актеры чувствуют неуспех довольно точно. И на том рядовом спектакле, который довелось увидеть мне, почти все «первые сюжеты» исполняли свои профессиональные обязанности строго в рамках собственных

Н. Швец – Маргарита.
А. Белый – Мастер.
Фото Е. Цветковой

соображений о добросовестности. Ни меньше, но не больше.

Главная же, впрочем, причина владевшей мною тоски состояла в том, что надо всеми аттракционами разной свежести висел один огромный вопрос: зачем? Для чего все это наворочено? С какой целью мне не слишком энергично пересказывают сверхпопулярный текст романа? Зачем столько народу должно радостно похихикивать вслед за произнесением булгаковских mots?

На наших глазах русский театр все больше и больше превращается в чтицу для публики – нет, не не умеющей читать, а не имеющей времени и желания делать это. И не говорите мне про визуализацию, трюки, про игру живого человека на сцене, наконец. Во-первых, поди еще найди такого живого среди всей армии слугителей Диониса! А во-вторых, львиную долю радостных открытий, которые совершает сегодняшний зритель, составляют ныне сюжетные перипетии и порядок слов, предложенный автором литературного произведения.

Театр сейчас слишком часто полагает достаточным сообщить публике пьесу по ролям, не давая себе труда ясно дать понять, по какому поводу он берется за тот или иной текст. Будто и не минуло целого века со времен знаменитой лекции Айхенвальда, отрицавшего надобность в театре как инструменте для чтения пьес! Вроде бы и не существовало ответов ему русских режиссеров, которые своими статьями – а, главное, спектаклями – убедительно доказывали, что у сцены есть собственный язык, способный говорить со зрителем о новых смыслах старой драматургии!

— Вспомнила бабка, как девкой была, – попробует возразить мне современный театр. – теперь иные времена, иная публика, иными должны быть и песни.

— Да, – рискну продолжить я спор, – но невозможно же ничего не хотеть от зрителя, кроме денег в кассу и аплодисментов с цветами. Надо ведь пытаться взволновать его тем, что беспокоит художника, делиться собственной болью и радостью, мыслями, наконец...

Вечерний утренник однако тянулся своим чередом; стало понятно, что рассказывают нам

немного о трусости, но по большей части – о любви. Сюжет романа Мастера и Маргариты явно доминировал над нарезкой из других тем полифонического сочинения Булгакова. И странное дело – очевидно превращался в пошловатую мелодраму о страстной женщине и ее изъеденном мелким «гамлетизмом» любовнике. Оказалось, что лишенная фона из московской и литературной жизни история эта утрачивает аромат, а ее герои – мотивации своих поступков.

Может быть поэтому второе действие спектакля тянется как русская зима. Когда Воланд предлагает Мастеру закончить свой роман одним словом, г-н Белый выходит к рампе и кричит в зал: «Свободен!». То ли атмосфера демократического оживления в стране тому причиной, но делает это актер с большим (и прямо скажем – редким для спектакля) подъемом. Я, правда, воспринял сей возглас как команду, освобождающую меня от бесконечного и бессмысленного сидения в зрительном зале МХТ. Однако был не прав: спектакль продолжал длиться, утешая любовников покойным (надо полагать) видом на лунные кратеры, а

М. Трухин – Коровьев.
И. Акрачков – Азazelло.
Д. Назаров – Воланд.
М. Зорина – Гелла.
Фото Е. Цветковой

публику – очередным зрелищным аттракционом, в котором плоский потолок метроштольни плавно изгибался, превращаясь в элегантные своды.

Наверное, авторам шоу хотелось, чтобы публика, ощутив себя либо в древнем соборе, либо в босховском тоннеле в прекрасный иной мир, возвысилась бы очерстневшей душой. Или, на худой конец, – умилилась. Но мимо моей души этот эпизод протащился будто длинный, унылый и не очень чистый товарный состав. Как впрочем и весь спектакль.